

Заключение. Названия месяцев служат важным культурным маркером, отражающим взаимодействие этноса с природой, его религиозные и культурные практики, социальную организацию и языковое наследие. Они помогают понять, как различные аспекты жизни и восприятия мира формируют календарь и повседневную жизнь людей.

1. Алексеев, С.В. Реконструкция праславянской обрядности: календарные обычаи / С.В. Алексеев // Научные труды московского гуманитарного университета. – 2013. – № 3. – С. 21–40.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТАРШЕКЛАСНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ К ПОЭЗИИ А. КУШНЕРА)

Шумаркина Д.И.,

магистрант, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Разумовская А.Г., доктор филол. наук, профессор

Ключевые слова. Технология критического мышления, интертекст, А. Кушнер, Ф.И. Тютчев, русская поэзия, урок литературы.

Keywords. Critical thinking technology, intertext, A. Kushner, F.I. Tyutchev, Russian poetry, literature lesson.

ФГОС среднего общего образования определяет критическое мышление условием формирования и развития личностных, предметных и метапредметных компетенций учащихся. Проблеме совершенствования критического мышления на уроках литературы посвящены работы С.И. Заир-Бека и И.В. Муштавинской, которые разработали учебное пособие по развитию критического мышления через чтение и письмо [1], И.Н. Добротина изучала способы формирования когнитивно-коммуникативных умений при работе с учебными текстами [2].

Актуальность нашего исследования видится в традиционной сложности при работе старшеклассников над анализом поэтического текста, особенную трудность для которых представляет поэзия XX века, в частности – интертекстуально насыщенная лирика А. Кушнера. Цель работы – доказать эффективность интертекстуального анализа на уроке литературы в качестве инструмента формирования критического мышления.

Материал и методы. Предлагаемая модель факультативного занятия (в том числе при подготовке учащихся к олимпиадам) строится на выявлении поэтического диалога А. Кушнера с Ф. Тютчевым при помощи интертекстуального анализа в одном из самых загадочных стихотворений нашего современника – «Когда поэт, увы, случайно сжег в камине...» (сборник «Осенний театр», 2020 г.).

Результаты и их обсуждение. Придерживаясь технологии критического мышления, строим работу над анализом текста по следующему **плану**:

1. Стадия «Вызов».

1.1. Актуализация поэзии Ф.И. Тютчева в сознании учащихся. Известно, что интертекстуальный анализ не будет адекватным без знания предтекста. Потому в начале занятия предложим ученикам прочитать (по мини-группам) стихотворения «Сижу задумчив и один...», «Как над горячею золой...», «Тени сизые смешались...», «Осенний вечер», «В наш век стихи живут два-три мгновенья», «Предопределение», «О чем ты воешь, ветер ночной?», аллюзии и реминисценции на которые встречаются в стихотворении Кушнера. В ходе обсуждения прочитанного будут выделены доминанты художественного мира Тютчева, его отношение к поэзии. Можно составить словесный портрет Тютчева, описать его прилагательными, основываясь на раздаточном материале (фрагменты биографии Тютчева: как в жизни он относится к своим стихам, отрывок из письма И.С. Гагарину: «По моем возвращении из Греции...»). Эта информация послужит мотивацией к поиску связей в стихотворении Кушнера.

1.2. Новое знание – биография и особенности художественного мира А. Кушнера.

Учитель кратко знакомит учащихся с поэтом, читает и комментирует его известные стихотворения (не более двух), предлагает сравнить круг волнующих проблем и основную тональность стихотворений Тютчева и Кушнера. В ходе беседы выясняется, что, несмотря на тематические пересечения двух разделенных временем поэтов (их волнует человеческое бытие), стихотворения Кушнера можно назвать жизнеутверждающими, тогда как размышления Тютчева меланхоличны.

2. Стадия «Осмысление». Анализ стихотворения «Когда поэт, увы, случайно сжег в камине...»

2.1. Анализ эпиграфа. Обсуждение стихотворения начинается с определения смысла и функции эпиграфа. Учащиеся выбирают из ранее прочитанных тютчевских стихотворений то, строки которого предваряют стихотворение Кушнера: «На потухающий камин / Сквозь слез гляжу...». Эпиграф у Кушнера – это не только возможность мысленно оттолкнуться от классического текста, раскрыть на его основе новые смыслы, но и попытка вступить в диалог с автором. Импульсом к развитию мысли становится факт из биографии Тютчева: известно, что поэт некогда по случайности сжег стопку своих стихов. Эпиграф заставляет представить образ поэта, сожалеющего о совершенной ошибке, однако стихотворение Тютчева раскрывает совсем другое: «Сижу задумчив и один...» представляет собой рассуждение лирического героя, пребывающего в унынии от мысли о скоротечном веке человека – «злака земного», «бедного», увядающего цветка.

Образ поглощающего бумагу пламени, навевающего поэту мысли о конечности человеческой жизни, неоднократно возникает в лирике Тютчева (например, «Как над горячею золой...»). Строки из эпиграфа написаны в 1830 году, тогда как первое упоминание случайно сожженных страниц относится к 1836 году. Чтобы восстановить хронологию, учащиеся обращаются к письму поэта И.С. Гагарину: «По моем возвращении из Греции, принявшись как-то в сумерки разбирать свои бумаги, я уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и заметил это лишь много времени спустя. В первую минуту я был несколько раздосадован этим, но скоро утешил себя мыслью о пожаре Александрийской библиотеки» [3, с. 376]. Таким образом, учащиеся должны прийти к выводу о том, что современный поэт контаминирует два разных текста и два состояния Тютчева в одном своем размышлении о поэте.

2.2. Обсуждение идейного и смыслового содержания стихотворения: поиск учащимися интертекстуальных связей. Учащимся необходимо установить связь между событиями из жизни Тютчева, его лирикой и тем образом, который рисует Кушнер. В ходе сравнения делается вывод, что первая строфа стихотворения передает точку зрения Тютчева. Образ поэта в ней обезличен, так как событие из жизни Тютчева – лишь катализатор к размышлению о творцах, создания которых так или иначе были утрачены, поэтому перед нами поэт вообще, хотя автор и отсылает к образу Федора Ивановича упоминанием о пожаре в Александрийской библиотеке.

Кушнер соглашается с классиком, что реальный человек важнее эфемерных стихов, потому внутри первой строфы находим противопоставление – мимолетное сожаление об утраченных стихах сменяется мыслью о ценности человека: «...и вообще жалеть о человеке / Важней, чем о стихах, стихи на сон похожи». Так укрепляется связь между стихотворением из эпиграфа, которое посвящено переживаниям о человеческом бытии, и стихотворением Кушнера. Синтаксический перенос акцентирует внимание на слове «важней», подчеркивая твердость мысли поэта, его убежденность. Фраза «Стихи на сон похожи» подчеркивает летучесть, мимолетность поэзии и одновременно напоминает о том, что Тютчев никогда не воспринимал свое творчество всерьез, поэтому поэт не сразу вспомнил о сгоревших в камине строках.

2.3. Работа в парах. Учитель предлагает старшеклассникам задания и вопросы: Сформулируйте ответ на вопрос, почему стихотворение может быть формой «поэтического диалога»? Приведите доказательства из текста, основываясь на знании художественных приемов. Вспомогательные вопросы: о чем говорят участники поэтического диалога? Чем диалог поэтический отличается от диалога в повседневной коммуникации?

Почему именно к Ф.И. Тютчеву обращается А. Кушнер? Вариант развития мысли по заданным вопросам следующий: взгляд Кушнера, который вступает в диалог с классиком, отражает вторая строфа, противопоставленная первой. Не случайно она начинается с противительного союза «но» и вводит образ лирического героя – читателя:

Но мне-то, мне стихов его так жаль, спасти бы! [4, с. 72]

Читатель экспрессивен, он не разделяет отношения поэта к своему творчеству, зная ему цену, переживает порыв вернуть утраченное, оттого мысль его активна:

Достать их из огня, вернуть, прочесть – признанья
Какие там могли, обмолвки быть, изгибы... [4, с. 72]

Синтаксический перенос подчеркивает эмоциональность лирического героя, испытываемое им чувство сильного сожаления. Темп мысли героя ускоряется за счет цепочки однородных подлежащих – того, что было потеряно в огне: «признания», «обмолвки», «изгибы», «повороты фраз», «сны». Снова возникает образ сна, причем «сна в дневном сиянье» – сна наяву, который означает процесс творчества. Учащимся необходимо понять, что сожаление автора об утрате тютчевских стихов связано с пониманием их эстетической ценности.

И вновь поворот мысли поэта обозначен союзом «но»:

Но старость, но любовь, но сумерки, но ветер... [4, с. 72]

Так Кушнер вводит новое противопоставление, которое обнажает источник еще более сильных страданий человека, чем вызванных сгоревшими стихотворениями. Учителю нужно пояснить, что названные здесь четыре доминанты трагических размышлений Тютчева порождены хаосом: старость, за которой последует смерть; трагичная, слепая, как и все человеческие страсти, любовь («Любя, страдая, грустно млея, / Оно изноет наконец...»); сумерки как символ приближающейся тьмы; ветер, который поет песни «про древний Хаос, про родимый». В списке действительно волнующих поэта вещей нет места сиюминутным переживаниям вроде печали о сгоревших в пламени страницах. Катастрофическое ощущение будущего куда реальнее для Тютчева, чем переживания настоящего. Стихи иллюзорны по сравнению с давящим ощущением невозможности уберечь человеческую жизнь: старость придет для каждого, любовь – чувство, никому неподвластное и преходящее, день сменится сумерками, предупреждающими о скором наступлении ночи, а ветер, как природная стихия, в конечном результате разбудит бури, под которыми шевелится Хаос. И читатель, осознавая это, сливается в последней строке с поэтом:

«О чем жалеть? – сказал. – Сгорели и забылись!» [4, с. 72]

Эту фразу одновременно произносят и поэт, и читатель, где оба понимают, что в жизни есть нечто более масштабное, чем пропавшие в огне пускай и неповторимые строки. Мы становимся свидетелями того, как раскручивается, словно по спирали, мысль Кушнера о поэзии и реальности, как слог современного поэта сплетается с поэтическим словарем Тютчева, как важно для поэта собеседование с «другим».

3. Стадия «Рефлексия». Можно предложить учащимся написать эссе на тему «Диалог с поэтом прошлого», для чего необходимо выбрать стихотворение любого автора и вступить с ним в полемику относительно раскрывающейся в тексте темы.

В завершении занятия учащиеся должны прийти к выводу, что диалог с классиком, обращение к «чужому слову» дает возможность поэту разрешить собственные противоречия и найти ответы на волнующие вопросы бытия.

Заключение. Включение интертекстуального анализа в уроки литературы позволит, с одной стороны, развивать способность старшеклассников критически мыслить, грамотно формулировать мысль, а с другой – видеть литературный процесс связно, не фрагментарно.

1. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / С.И. ЗаирБек, И.В. Муштавинская. // 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. – 223 с.

2. Добротина, И.Н. Формирование предметных и метапредметных компетенций в школьном курсе русского языка: виды работы с учебным текстом / И.Н. Добротина // Universum: психология и образование. 2016. – № 12. – С. 5–8.

3. Тютчев, Ф.И. Стихотворения. Письма / Ф.И. Тютчев. – М: ГИХЛ, 1957. – 615 с.

4. Кушнер А.С. Осенний театр: книга стихов / А.С. Кушнер. – М.: Время, 2020. – 96 с.